

Об «очень серой онтологии» физикализма: разговор с Андреем Баумейстером

ПАВЛО НЕДАШКІВСЬКИЙ

6 ЛЮТОГО 2019

Какая сегодня расстановка сил на поле битвы философии сознания? Какие метафизические предпосылки и этические выводы предполагает уход от классической философии? Какое место занимает мировоззрение автора в научно-популярной литературе? Об этом сегодня мы поговорим с Андреем Баумейстером.

Джерело: Нікола Самори, «Volta del Mondo»

Какие наиболее значимые позиции Вы могли бы выделить в контексте современных дискуссий о проблеме соотношения сознания и мозга?

Сегодня подавляющее большинство философов сознания – это *физикалисты*. Если ранее имело место такое течение, как элиминативный материализм, то сегодня, в основном, мы имеем дело с физикалистами. Они считают, что реальность – исключительно физическая, соответственно и проблема сознания сводится к деятельности мозга. То, что мы называем «сознанием», для них является своего рода иллюзорным феноменом.

Второе направление – это *функционализм*. Оно удобно тем, что попросту избегает самой постановки онтологических вопросов. Подобную позицию разделяют многие специалисты в области IT, их не интересуют вопросы «что такое сознание?», «как существует сознание?», «как мы познаем сознание?». Для них важно, как сознание работает, поэтому функционалисты исследуют сознание по схематике входа/выхода и обработки информации. В этом смысле сознание может существовать на разных уровнях развития: от растений и до человека.

Третье направление – это традиционный или *субстанциальный дуализм*. Сторонники этой позиции составляют крепкое меньшинство, одним из наиболее известных его представителей является Ричард Суинберн. В рамках субстанциального дуализма сознание рассматривается как нечто принципиально иное, нежели физическая реальность.

Сегодня мы имеем некую «пентархию» – пять групп, между которыми существуют также и промежуточные позиции.

Четвертая группа мыслителей наиболее неуловима. С одной стороны, они хотят оставаться материалистами, с другой, они против грубого сведения сознания к деятельности мозга и полагают, что если сознание и материально, то это некая совершенно иная организация материи. Субстанциально есть только физический мир, который, однако, удивительным образом проявляется в свойствах несводимых друг к другу. Например, у нас есть тело, наш мозг работает, однако он производит также нечто удивительное – наш внутренний мир, сознание, ощущение своего Я. Все эти феномены, которые они называют «ментальными актами» или «ментальными феноменами», нельзя объяснить только с помощью описания физических объектов и процессов. Из представителей этой позиции можно выделить Джона Сёрла и Дэвида Чалмерса.

Чалмерс полагает, что сознание – это фундаментальное свойство реальности. Но поскольку он называет себя материалистом, то его позиция сводится к допущению возможности существования свойств материи, о которых мы не знаем. Таким образом, материалист может найти для себя решение проблемы. В литературе сторонников этой позиции называют «*дуалистами свойств*». Поэтому Чалмерс говорит о простой и сложной проблеме сознания. Простая проблема сознания – это ответ на вопрос «как работает мозг?», а сложная проблема сознания – это ответ на вопрос «почему мозг сопровождает свою работу созданием внутреннего мира и сознания?».

Их оппоненты со стороны жестких функционалистов пытаются прижать их стене, говоря: «Объясните нам, кто вы?». Например, Дэниел Деннет, полемизируя с Чалмерсом и Сёрлом, пытается вывести их на чистую воду физикализма. Ведь физикализм – это монистический взгляд, предполагающий, что существует лишь физическая реальность и ничего больше

Есть ещё одна, специфическая, пятая позиция – это *энактивизм*. Её представляет Франсиско Варела и ряд других авторов. Сторонники данной позиции занимаются нейрофизиологией, компьютерными науками и философией. Они говорят о «воплощённости сознания». Одна из работ Варелы так и называется – «Воплощённый разум». Не так давно вышло собрание статей под редакцией Витторио Хёсле «Идеализм сегодня», где он и ряд авторов делают попытку актуализировать объективный идеализм в стиле Гегеля и Платона. По сути, это современные платоники. Они пытаются показать, насколько близко друг к другу находятся объективный идеализм и это новое направление в философии сознания.

Итак, сегодня мы имеем некую «пентархию» – пять групп, между которыми существуют также и промежуточные позиции.

Последние годы успехам нейронаук сопутствует популярность упомянутой Вами позиции «дуализма свойств». Можем ли мы говорить об определенной непоследовательности этой позиции: с одной стороны, ряд авторов признает неудовлетворительность строгого материализма при описании сознания, а с другой стороны, они пытаются сохранить те или иные материалистические предпосылки?

Я читаю много новых монографий о философии сознания, в которых указано, что субстанциальный дуализм сложно согласовать с данными современной науки. Нужно развенчать этот миф, потому что мы говорим о парадигме естественных наук, то есть, об очень ограниченной модели рациональности, которая, к тому же, глубоко метафизична. Например, в книге Хёсле «Философия и науки» ряд статей посвящён дарвинизму как метафизике и невозможности натуралистического объяснения этики и сознания.

В чем непоследовательность натуралистического подхода? Он сам предполагает жесткую метафизику. Если мы спросим, почему он ограничивается материальной каузальностью, почему не допускает существования других сфер реальности, на чём это основывается, если копнём ещё глубже, то увидим, что подход этот основан на метафизических и даже теологических предпосылках. Поэтому проблема дуализма свойств не в том, что он несостоятелен рационально, но в том, что с позиции естественных наук их жесткая теология запрещает вести разговор о нефизической реальности. Как только у кого-то из философов об этом заходит речь, их сразу маргинализируют как говорящих с ненаучной точки зрения.

К счастью, идеи Франсиско Варелы и Дэвида Чалмерса помогают понять, что главный запрет или догмат естественнонаучной установки на самом деле не обоснован. Это именно догмат, а не научная точка зрения. Иными словами, почему дарвинизм – это метафизика? Потому что он исходит из каузальности, которая работает на всех уровнях. Но почему эта каузальность

успешна, почему она создаёт всё вокруг себя? Ведь фактически она очень близка к Богу Спинозы. Речь идёт о некой работающей на разных уровнях каузальности, о селекции, об отборе и т.д. Но если мы спросим, почему мир устроен так, что именно замкнутая каузальность создает всё новые и новые формы живого? Ответ на этот вопрос будет не таким простым.

Отвечая частично на Ваш вопрос, я скажу, что дискуссии в сфере философии сознания должны касаться оснований наших рациональных моделей. Это главное.

Дуалисты и те, кто к ним близок, должны атаковать догматику естественнонаучной установки. Невозможно обосновать то, что сфера нефизического не имеет прав в объяснении происходящих процессов. В конце концов, в культурологии, социологии, праве, в морали и в искусстве мы наблюдаем обратное. Мы знаем, что история возникает как второй этаж над биологией и что идеи, которые создает человек, не менее действенны и реальны в практиках, которые нас окружают. Более того, идеи создают вторую, третью, виртуальную реальности, мир фэнтези, концептуальный мир. Сами же законы природы также не являются физическими.

Когда мы говорим о сознании, мы должны понимать, что эволюционистски его нельзя объяснить. Конечно таких попыток много, но они не будут пользоваться успехом, потому что сознание – это место, где возникают нормативность, каузальность, основания, ценности и принципы. Это абсолютно не физиологические вещи.

Физикалисты допускают в основании своих базовых объяснительных схем не физикалистские принципы: ни законы природы, ни каузальность не являются физическими объектами. Это абсолютно идеальное нормативное созидание, а физикалистски нормативность объяснить невозможно.

Здесь мы возвращаемся к критике натурализма, которую вели ещё в конце XIX и в начале XX века Пауль Наторп и Эдмунд Гуссерль. Это болезнь психологизма, которую сейчас мы можем назвать болезнью натурализма. Когда мы говорим о сознании, мы должны понимать, что эволюционистски его нельзя объяснить. Конечно таких попыток много, но они не будут

пользоваться успехом, потому что сознание – это место, где возникают нормативность, каузальность, основания, ценности и принципы. Это абсолютно не физиологические вещи. Понятие нормы нельзя обосновать физикалистски, как и теорию универсальных законов и истинность эпистемологии.

Конечно, были попытки эволюционистской эпистемологии, но они не увенчались успехом. Этот фланг атакует Алвин Плантинга. Ведь как эволюционисты объясняют теорию истинности и нормативности? Как работу генов, как адаптационную систему. Тут ошибся, тут ошибся, а здесь нет, и в результате выстраивается правильная концепция. Однако Плантинга указывает на то, что адаптивность не тождественна истинности. Например, я могу убежать от льва не потому, что он представляет опасность, а потому как я думаю, что он хочет играть.

Если мы исходим из того, что наши теории обоснованы, потому что они работают, то работать они могут и по другой причине. Когда мы говорим: «Это работает», нужно понимать, что так происходит только в глазах человека. Честный физикалист должен быть теологом, ведь именно трансцендентность предполагает некие законы, правила, нормативность не биологического происхождения.

Какие бы Вы выделили наиболее существенные онтологические, эпистемологические и этические проблемы описания сознания как «компьютера из плоти»?

Эти проблемы присутствуют на всех перечисленных уровнях. Древо вопросов «что такое сознание?», «как оно существует?» и проблема тела/души вырастают из онтологии. Вопросы «как мы можем познать сознание?» и «как мы получаем к нему доступ?» находятся на уровне эпистемологии. В свою очередь, из онтологического и эпистемологического уровней проистекает практический. От онтологического вопроса «есть ли свобода воли или свобода выбора?» и эпистемологического вопроса «как мы можем её познать или фиксировать?» зависят все те практические проблемы, которые нас сегодня интересуют.

Например, если нет свободы воли, то мы должны пересматривать право, эстетику, мораль, общество, цели человека, экономику. И поэтому возникают такие монстры, как нейроэкономика, нейроюриспруденция и нейроэстетика, которые хотят связать деятельность мозга с главными практическими сферами жизни человека. Вот здесь и разворачивается главная дискуссия.

Я бы сказал, что в случае физикализма речь идёт об

«очень серой онтологии». Главные объяснительные узлы или апории окунаются в такую серость, что их как будто и не существует. Их замалчивают. Там, где нужно дать объяснение, его нет.

Как объяснить тот факт, что нам кажется, будто мы выбираем и вообще имеем свободу выбора? Свобода выбора связана с концепцией ответственности, а ответственность связана с такими понятиями, как закон, право, присяга, семья, государство. Так работает любая корпорация. И получается, что физикализм не работает на всех уровнях человеческой практики, потому что любая корпорация и любое сообщество предполагает ответственность. Если мы ставим под вопрос реальность сознания, на нас падает бремя доказательства. Мы должны переформулировать все основные институции и формы жизни человека. Пока мы этого не сделали, мы не можем вытянуть гвоздь из стены, на которой висят картины. Однако физикалисты делают вид, что гвоздь мы вытянули, а картины – все наши институции, все сферы жизни – продолжают висеть.

Тогда мы можем обратиться к теории вероятности (с чем работает Суинберн). Мы спрашиваем: какое наиболее вероятное обоснование наших практик, реальности и сознания? Физикализм кажется менее вероятным объяснением, потому что в рамках физикализма очень трудно объяснить большинство феноменов нашей жизни: культуру, экономику, политику. Здесь дуализм субстанции оказывается более эффективным.

Интересно также и то, как философия сознания тесно связана с мировоззрением человека: сознание сопряжено со свободой воли, а это один из центральных вопросов философии сознания, с ним связана вся история цивилизации, от шумеров Месопотамии до XXI века. Если мы проигнорируем эту связь, нам придётся перезапустить цивилизацию. Фактически физикалисты претендуют именно на такой «перезапуск». Это, конечно, смело, пусть попробуют! Но пока что их позиция – лишь паразитирование на недомолвках. Тут вспоминается Жан-Люк Марион с его «серой онтологией». Я бы сказал, что в случае физикализма речь идёт об «очень серой онтологии». Главные объяснительные узлы или апории окунаются в такую серость, что их как будто и не существует. Их замалчивают. Там, где нужно дать объяснение, его нет. Они опускают всю конструкцию, то есть связи между главными элементами, в туман, в смог. Это «очень серая онтология», которая лишь создает видимость рабочей гипотезы.

В вопросе о свободе воли популяризаторы науки апеллируют к известному эксперименту Бенджамина Либета, якобы доказывающему, что у человека её нет. Однако сам Либет интерпретировал свой эксперимент противоположным образом. Можем ли мы в подобных случаях говорить о подмене популяризации науки популяризацией определенного мировоззрения?

Так же как в вопросе о дуализме, это связано с общей сциентистской картиной мира. Именно так современному человеку преподносятся новости. Помимо того, что сам Либет не считал, что из его эксперимента следуют такие метафизические выводы, необходимо подчеркнуть тот факт, что наш мозг состоит как бы из трёх слоев. Один, наиболее древний, архикортекс, отвечает за элементарные функции. Другой, мозг млекопитающего, палеокортекс, отвечает за эмоциональный мир, реакции, взаимодействия с окружающим миром. Но есть ещё третий, неокортекс, где находится нечто, отвечающее за мышление и сознание.

Вполне естественно, что множество функций мы осуществляем автоматически. Можно сказать, что на автоматике построена большая часть нашей физиологической и эмоциональной жизни. Например, мне наступили на ногу – у меня эмоциональная реакция. Поскольку мы постоянно сталкиваемся с такими реакциями, эта система, адаптируясь к некой среде, вырабатывает определённые ожидания. Например, когда я играю в футбол, мне могут ещё не дать пас, но я уже ожидаю мяч и готов ударить по нему, скажем, в девятку. Мяч ко мне ещё не прилетел, но мой мозг уже просчитывает варианты.

Так и здесь. Схематика срабатывает, но речь идёт об отдельных функциях и событиях достаточно примитивного уровня. Когда мы говорим о человеческом сознании – это совсем другой мир. Это большие формы повествования: мифы, истории, выстраивание целостности жизни и цивилизации, создание долгосрочных планов, просчет стратегии. Схематика здесь не работает. Мы не создаем себе жизненные стратегии только лишь потому, что в мозге есть некий аппарат, который сначала конституирует стратегию, а потом мы понимаем, что это и есть цель нашей жизни. Давайте поставим эксперимент Либета на парне, собирающимся жениться, или на девушке, уходящей в монастырь. По Либету (точнее согласно физикалистской интерпретации Либета), это значит, что в мозгу у девушки уже всё сложилось, даже если она ещё не осознала, что станет монахиней. Мозг как будто ей приказывает, и, будучи материалистами, мы должны воспринимать это как болезнь. Ведь это невозможно, чтобы мозг здоровой девушки хотел в монастырь, и раз в нём такое происходит, значит, мы имеем дело с биологическим отклонением.

Мы не создаем себе жизненные стратегии только лишь

потому, что в мозге есть некий аппарат, который сначала конституирует стратегию, а потом мы понимаем, что это и есть цель нашей жизни.

Однако, поскольку эволюционизм не обосновывает нормативность, понятие отклонения трудно объяснить. И когда психологи-материалисты хотят объяснить визионерство, желание говорить с Богом, созерцать, молиться как физиологические отклонения, их нужно спросить: а на каком таком эволюционистском основании вы говорите об отклонениях? Ведь на предыдущих страницах той же книги вы написали, что все развитие из простого в сложное возникало как отклонение, как сбой программы. Нормальная программа – это когда элементарное сохраняет себя и дальше не развивается.

Получается, что когда человек молится и желает посвятить жизнь Богу, вы говорите, что это отклонение, тогда как это следующая ступень эволюции. С вашей позиции нельзя различить понятия «хорошо» и «плохо», вот в чём проблема. Говорить о психических отклонениях также невозможно, как о добре и зле, справедливости и несправедливости. Это плата за физикализм, ведь там, где нет нормативности, невозможно говорить о совершенстве и несовершенстве, психических отклонениях и норме.

Если мы лишь часть живого среди животного мира, тогда мы должны отменить всю иерархическую систему. Но если мы это сделаем, то не сможем функционировать как человечество: государством должен управлять компетентный политик, а корпорацией компетентный менеджер. Что такое цивилизация? Это определение наиболее сведущих, то есть, это уже не область биологии. Таким образом, речь идёт не только о философии сознания, но и о перезапуске всех главных схем взаимодействия, практик и картин мира.

ПАВЛО НЕДАШКІВСЬКИЙ

6 ЛЮТОГО 2019

Warning: count(): Parameter must be an array or an object that implements Countable in </home/kairosbo/verbum.com.ua/www/wp-includes/post-template.php> on line 284